

УДК 81'38
doi 10.17072/2073-6681-2021-1-24-36

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ ПРОПОВЕДЕЙ А. МЕНЯ

Елена Ивановна Герман

соискатель кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elena.hazanzhi@mail.ru

SPIN-код: 4850-8784

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0687-4599>

Статья поступила в редакцию 18.01.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Герман Е. И. Дидактическая тональность и ее реализация в текстах проповедей А. Меня // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 1. С. 24–36. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-24-36

Please cite this article in English as:

German E. I. Didakticheskaya tonal'nost' i ee realizatsiya v tekstakh propovedey A. Menya [Means of Implementing Didactic Tone in Religious Text (on the Material of Orthodox Sermons)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 1, pp. 24–36. doi 10.17072/2073-6681-2021-1-24-36 (In Russ.)

Целью исследования является определение особенностей языкового выражения дидактической тональности в текстах религиозной проповеди. Дидактическая тональность рассматривается как частная категория интенциональности – более общей текстовой категории, присущей любому типу коммуникации, если последняя рассматривается как деятельность. Материалом исследования послужили 68 текстов проповедей известного в России протоиерея Русской православной церкви, богослова, автора книг по богословию, истории христианства и других религий Александра Меня. Деятельностный подход, а также функционально-стилистический, структурно-семантический, когнитивный, контекстуальный, сопоставительно-количественный и прагматический методы анализа позволили установить, что в жанре религиозной проповеди интенциональность реализуется посредством специфической тональности, или такой текстовой модальности, которая отражает основную установку автора речи в религиозной проповеди – приблизить человека к вере и Богу, научить его вере в Бога. Установка на «научение» определяется в исследовании как дидактическая тональность и рассматривается как вспомогательная категория интенциональности, функционирующая в текстах именно религиозной проповеди. Выявлены разноуровневые языковые и речевые средства, репрезентирующие в текстовой ткани дидактическую тональность, описаны структурно-семантические, прагматические и стилистические особенности этих средств. Установлено, что с точки зрения воплощения в рамках проповеди основной авторской интенции (концептуального замысла и смысла) дидактическая тональность является ключевой текстовой категорией.

Ключевые слова: интенциональность; проповедь; текстовая категория; воздействующая функция; дидактическая тональность.

Введение

Современный антропоцентрический подход к объектам лингвистики предполагает комплексное объяснение сущностных свойств языка и текста. Последний при этом рассматривается не только как источник информации о том, что в

нем сказано, крайне важными оказываются знания затекстового характера, а именно: информация об особенностях адресата и адресанта, целях, задачах их коммуникативного взаимодействия, о предмете речи и ситуации, в которой протекает коммуникация, одним словом – знания о множе-

стве сопровождающих вербальный текст экстралингвистических факторов, формирующих специфику стиля.

В конце XX – начале XXI в. система функциональных стилей русского языка обогащается церковно-религиозным стилем, что вызвано социально-политическими изменениями в жизни российского общества. Начиная с середины 90-х гг. церковь как социальный институт не просто перестает «замалчиваться» государством (как это происходило в советское время), она становится полноценным участником общественной, а постепенно и политической жизни российского общества. В последние годы религиозная речь звучит не только в церкви, она широко представлена в медиапространстве: в радио- и телеэфирах, в интернете функционирует большое количество религиозных текстов, некоторые из которых посвящены вовсе не церковным, а светским событиям.

Вместе с тем религиозный стиль как самостоятельный тип речевой деятельности в настоящее время не нашел пока своего более или менее полного описания, о чем свидетельствует русскоязычная научная лингвистическая литература, степень представленности в которой исследований религиозного стиля невысока. Назовем самые значительные работы по этой проблематике: [Новоселов 2004; Войтак 2007; Ицкович 2007, 2012, 2016, 2018, 2019; Салимовский, Сулова 2005; Салахова 2008; Мишланов, Салимовский 2010; Шукина 2010, 2012; Звездин 2012; Шахарман 2015; Карагодская 2019 и др.]. Интерес к изучению религиозного стиля проявляют и лингвисты Восточной Европы [Karpluk, Sambor 1988; Kloczowski 1995; Kucharska-Dreiss 2004; Wojtak 2004; Rożek 2006 и др.], однако подобных исследований также немного по сравнению с исследованиями других стилей.

Невысокая степень изученности специфики организации и функционирования религиозного стиля определяет актуальность настоящего исследования.

Выполненное в рамках пермской стилистической школы, настоящее исследование вписывается в общую идеологию функционально-стилистических работ по стилистике научного текста. Новизна представленного анализа заключается в применении теории текстовых категорий к исследованию религиозного дискурса, в частности к жанру проповедей (и именно проповедей А. Меня). Кроме того, впервые анализируется на материале текстов религиозной проповеди и сама категория интенциональности.

В статье предпринимается попытка выявить и систематизировать средства реализации дидактической тональности в проповедях А. Меня, что важно для описания религиозных жанров, а так-

же развития теории идиостиля (поскольку исследование строится на текстах одного автора).

Интенциональность как текстовая категория

Известно, что определенные параметры текста – в том числе и перечисленные выше – реализуются в текстовых категориях, совокупность которых формирует такую языковую и коммуникативную систему, как текст.

Под понятием «категория» мы, вслед за М. Н. Кожинной, понимаем систему «разноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т. е. выполняющих в тексте какую-либо определенную функцию, реализующую тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля» [Кожина 1998: 10–11]. Как видно, в функционально-стилистическом аспекте категория предстает именно как феномен текста – такая целостность языковых и речевых единиц разного характера, которая самым непосредственным образом участвует в организации структурной, смысловой и стилистической определенности текста как целого произведения.

Т. В. Матвеева отмечает, что категория текста «может пониматься как общий и существенный признак (свойство, параметр) всех текстов, участвующий в моделировании самого понятия “текст”» [Матвеева 1990: 13]. Иными словами, текстовая категория является таким признаком, «который свойствен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст (т. е. это типологический признак)» [там же]. О текстообразующем характере языковых категорий см. также: [см.: Колшанский 1984; Гальперин 1981; Новиков 1983; Дридзе 1984; Васильев 1988; Каменская 1990; Матвеева 1990; Очерки истории... 1998; Болотнова 2009].

Важно подчеркнуть, что речевое произведение как результат, продукт когнитивной деятельности субъекта не может быть организовано без такого важнейшей категории, как **интенциональность**, поскольку наличием интенций – намерений, «придающих осмысленность обращения коммуниканта к своему партнеру» [Гордеецкий 1989: 7], характеризуется любой текст. Так, даже в разговорной речи, используя простые речевые формулы приветствия, коммуниканты реализуют одну из функций языка – фатическую, выражая, например, намерение установить контакт с собеседником.

В связи со сказанным и опираясь на предложенные М. Н. Кожинной и Т. В. Матвеевой под-

ходы к пониманию категории как текстообразующей стилистико-речевой единицы, считаем возможным включить в систему ранее описанных в лингвистике текстообразующих категорий еще одну – интенциональность.

По мнению М. Н. Кожиной, текстовые категории можно разделить на категории глобально (или всеобщего) характера и категории частные, выполняющие своего рода служебную функцию по отношению к первым [Кожина 1998: 14–15]. Интенциональность, как текстообразующая категория (анализ средств реализации которой позволяет определить речемыслительные и эмоционально-оценочные интенции адресанта), может быть отнесена к глобальным категориям текста, наряду с такими категориями, как целостность, связность, субъектность, акцентность и др.

Как и все текстообразующие (глобальные) категории, интенциональность реализуется в тексте посредством более частных категорий, состав, значение и структурно-семантическую специфику которых определяет «родовая» категория, т. е. категория интенциональности.

Как известно, понятие «интенциональность» (от лат. *intentio* – стремление, намерение), сформировавшееся в концепциях древнегреческой философии, понимается сегодня как «первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру, смыслоформирующее отношение сознания к предмету, предметная интерпретация ощущений» [Философская энциклопедия]. Осмысленная в современном языкознании как одна из текстообразующих категорий, интенциональность интересна разным лингвистическим направлениям.

Так, например, анализируя публицистический текст с точки зрения воплощения в нем категории интенциональности, Н. И. Клушина приходит к выводу о том, что последняя реализуется через взаимодействие таких более частных категорий, как идеологема, номинация, интерпретация, стилистическая тональность, оценочность [Клушина 2008: 6–7]. Важно также, что ученый рассматривает выделяемые интенциональные категории в аспекте динамики текстообразования, утверждая, что «интенциональные категории тесно переплетаются, взаимодействуют, совмещаются друг с другом, поскольку существуют в едином текстовом континууме и реализуют единую авторскую интенцию. Но именно эти интенциональные категории отличают публицистический текст как воздействующий тип текста от других речевых произведений, реализующих другую авторскую коммуникативную стратегию» [там же: 7].

Принимая общий подход Н. И. Клушиной к осмыслению интенциональности в публицисти-

ческом тексте, отметим важную для нас мысль: религиозный текст – и особенно текст проповеди (!) – обладает не меньшей персуазивной силой, чем публицистический, поскольку в нем так же, как в последнем, «адресант для убеждения адресата использует все доступные речевые средства, прибегая не только к логическим доводам, но и к манипулятивным приемам, иногда не осознавая этого» [там же: 6]. В тексте религиозной проповеди, следовательно, интенциональные категории, в том числе сама интенциональность как текстообразующая (глобальная) категория, тоже являются структурно, семантически и функционально значимыми.

Наше исследование показало, что в религиозной проповеди более частными по отношению к глобальной категории интенциональности выступают категории оценочности, тональности, диалогичности. Поскольку объем настоящей статьи не позволяет достаточно полно рассмотреть все названные частные категории, сосредоточим анализ на категории **тональности**, с которой связаны эмоционально-ценностные интенции автора религиозного текста.

Тональность как категориальный текстовый феномен можно рассмотреть, вслед за Н. В. Данилевской, в виде категории, «объединяющей разноуровневые средства, выражающие в целом тексте психологическую установку автора, его эмоциональную оценку, ценностные ориентиры, <...> тональность играет существенную роль в развертывании текста и оформлении его диалогических позиций» [Данилевская 2010: 49]. Однако речь в работе Н. В. Данилевской идет о научном изложении, нам же представляется важным рассмотреть специфику реализации тональности в религиозном тексте.

Как отмечает М. А. Новоселов, «христианство и догматично, и этично, и мистично» [Новоселов 2004: 10]. Исследуемый нами жанр – жанр проповеди – включает в себе репрезентацию божественной истины, в связи с чем в коммуникативной ситуации присутствует (наряду с догматическим и этическим) особый мистический компонент: участники религиозной коммуникации (в частности, приверженцы православия) испытывают и выражают благоговейное отношение (особо почтительное) к Богу – невидимому, но вместе с тем мыслимому в рамках религиозного общения участнику коммуникации. Этот компонент соотносится, с точки зрения Т. В. Ицкович, с **благоговейной тональностью** религиозного текста [Ицкович 2016].

Однако следует помнить о том, что проповедь, как тип религиозной коммуникации, является все-таки специфичным жанром. Специфичность проповеди заключается в ее предназна-

нии быть обращенной к адресату с целью *научения* «правильным» – с точки зрения христианства – поступкам и действиям, с целью призыва адресанта к анализу его бытийных установок и ценностей. Эта особенность рассматриваемого жанра позволяет говорить о наличии в проповеднических текстах еще одной разновидности тональности – **дидактической**. Не случайно И. Н. Щукина называет дидактическую функцию основополагающей для текста проповеди, поскольку «...проповедник целью своего высказывания имеет всегда единственную цель – научить прихожанина индивидуально, именно не всех, а каждого <...> найти путь в Царствие Небесное» [Щукина 2010: 87].

Хотя текст проповеди в целом, как известно, создается по канонам ораторского искусства [Архиепископ Аверкий (Таушев) 2011; Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко) 2007], всякий конкретный текст проповеди допускает определенную степень свободы. При этом круг интересов проповедника весьма широк – затрагиваются вопросы далеко не только богословские, но и нравственные, социальные, вплоть до бытовых. Какой стиль общения с паствой изберет проповедник, с помощью каких средств (в первую очередь языковых) он будет реализовывать свои интенции – определяется многими факторами, в том числе его личностными характеристиками. Иначе говоря, несмотря на общность глобальной интенции всех проповедников – «указать прихожанину путь в Царствие Небесное», подход каждого из них к установлению контакта с паствой, к использованию средств воздействия различен, о чем свидетельствуют результаты работ многих исследователей религиозного стиля [см. литературу, указанную выше].

Большая роль авторской свободы в структурно-смысловой организации текста проповеди позволяет считать, что в этих текстах присутствует еще одна – третья – разновидность тональности, а именно **индивидуально-авторская тональность**.

На наш взгляд, приоритетной в текстах рассматриваемого жанра является **дидактическая тональность**, выступающая ведущим компонентом интенциональности в жанре проповеди. Поэтому данный тип тональности мы рассматриваем в качестве ключевой в рамках взаимодействия проповедника и адресата при реализации обеими сторонами своих коммуникативных стратегий в жанре проповеди.

Средства реализации дидактической тональности разнообразны и – в отличие от средств выражения благоговейной тональности – обнаруживаются на различных уровнях языковой си-

стемы. Хотя сама по себе дидактическая функция неодинаково реализуется разными проповедниками, все-таки можно говорить о типичных языковых «приметах» дидактической тональности в жанре проповеди. Однако наиболее очевиден дидактический тон религиозной речи на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях.

Материал и методы исследования

Реализация дидактической тональности изучалась на материал 68 текстов проповедей Александра Меня, известного в России протоиерея Русской православной церкви, богослова, автора книг по богословию, истории христианства и других религий. Всего проанализировано 136 печатных страниц текста, или около 30 тысяч словопотреблений.

Анализа текстового материала проводился с использованием функционально-стилистического, структурно-семантического, контекстуального, сопоставительно-количественного и прагматического методов на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях.

Рассмотрим средства трех этих уровней более подробно.

Средства реализации дидактической тональности на лексическом уровне

В процессе анализа лексического состава текстов религиозной проповеди удалось установить, что для воплощения дидактической тональности здесь активно функционируют специальные единицы. Это слова с семантикой ‘размышление’, ‘обдумывание’, ‘сопереживание’, ‘чувства’, ‘сочувствие’, ‘стремление’ или – с другой стороны – лексемы с семантикой ‘долженствование’, ‘необходимость’, ‘возможность / невозможность’ и под.

Объединение в одном высказывании таких, казалось бы, противоположных значений, как ‘чувство’ и ‘долженствование’, и есть, по нашему глубокому убеждению, реализация дидактической направленности содержания данного высказывания. Ср., например, слова В. А. Сухомлинского о методах воспитания: «Главная цель воспитания – формирование и развитие гармоничной личности – достигается посредством позитивного воздействия на ребенка [в нашем случае – прихожанина. – Е. Г.] всего спектра разнообразных явлений, с которыми каждый человек сталкивается в процессе жизнедеятельности» [Сухомлинский 1979: 232]. Или: «Я понимаю мастерство воспитания так, что каждое прикосновение воспитателя к своему питомцу является в конечном счете **побуждением к труду души**» [Василий Александрович Сухомлинский... 2019; Сухомлинский 2019. Электронный ресурс. Вы-

делено нами. – Е. Г.]. Как видно, воздействие на душу / чувства воспитанника – один из важнейших механизмов воспитания, что и реализуется в текстах проповеди с помощью комплекса интенциональных категорий, в том числе рассматриваемой нами дидактической тональности.

При анализе средств лексического уровня в проанализированных текстах выявлено две семантических подгруппы: 1) лексем с семантикой ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию’; 2) лексем с семантикой ‘долженствование’. Рассмотрим эти семантические подгруппы.

1. Семантика ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию’. Эта семантическая подгруппа реализуется в текстах с помощью частотного употребления в высказываниях специфических лексем (как правило, глаголов) с семантикой размышления – в 68 проанализированных проповедях выявлено 76 лексем с указанным значением: *подумать, задуматься, размышлять, спрашивать себя, смотреть, понимать* и др. Важно при этом, что призыв к совместному действию, к размышлению направлен здесь на анализ ключевых категорий христианской религии – *вера, покаяние, душа, спасение, смирение* и др. Также отмечены случаи призыва к анализу поведения персонажей притч, выступающих в качестве примеров (или контрпримеров) определенного поведения (праведного или греховного). Ср.:

Вы посмотрите на этих людей: они не побоялись разобрать крышу, только бы к Господу принести своего родного! Значит, так же и мы должны стремиться пробивать стену нашей собственной души...

Выделенные нами единицы эксплицируют в высказываниях дидактичность автора речи как его стремление воздействовать на душу адресата, его внутренний мир с целью исправить последний, совершенствовать его.

Однако в большинстве случаев употребление лексем с семантикой размышления (*размышлять, думать, вздуматься* и др.) связано с побуждением адресата к анализу своих принципов относительно «выстраивания» отношений с Богом и окружающими людьми, а также особенностей своего поведения. Ср. (единицы с семантикой побуждения и чувствования, реализующей дидактическую тональность, выделены полужирным шрифтом):

Посмотрим, как мало времени мы уделяем размышлению о вечном; Мы проверяем свою совесть, когда как бы все промывается в нашей душе – через размышление, покаяние, стремление к новой жизни; Подумайте: вот эта лодка, которую Господь отправил

вперед себя, а Сам ушел на гору молиться; Подумайте, вспомните о том, какими добрыми, самоотверженными, честными бывали люди в тяжелых жизненных обстоятельствах, а вот в покое и благополучии человек часто падает, сбивается с пути.

Завершая анализ первой семантической подгруппы, подчеркнем: использование лексем с семантикой размышления свидетельствует о том, что проповедник, обращаясь к людям таким образом, стремится воздействовать на рациональную сферу их сознания, связанную с логическим мышлением, призывая к трезвому взгляду на себя, к размышлению о своей жизни, к стремлению выстоять в тяжелых жизненных ситуациях. Наличие в текстах проповеди единиц с семантикой ‘размышление’, ‘призыв к совместному действию’ свидетельствует о совершенно определенной интенции проповедника – показать адресату способы борьбы с собственными страстями, внутренними слабостями, с тем, что отдаляет и отделяет его (человека слабого) от Бога.

2. Семантика долженствования. Данная подгруппа реализуется прежде всего посредством модальных слов с соответствующей семантикой – *надо, должно, нужно, необходимо, следует*. При этом в качестве сопутствующего инфинитива (второго компонента главного члена безличной конструкции) употребляются, как правило, глаголы с семантикой мысли, волеизъявления, чувствования, переживания и под.: *надо бороться, должны помнить, следует верить, необходимо понимать* и т. д.

Данное средство реализации дидактической тональности является самым частотными (81 случай употребления). С помощью единиц с семантикой долженствования проповедник стремится указать адресату дороги истины, способы борьбы со своим духовным несовершенством и, как следствие, путь приближения к Богу (борьба с грехами, исполнение заповедей, определение духовных границ, указание на правильные с точки зрения христианской морали пути жизни, алгоритм действий в той или иной жизненной ситуации и др.). Ср. (см. выделенные средства):

И каждый пост мы должны встречать так, как будто он последний в нашей жизни; Нельзя оставлять голодающую и жаждущую душу без насыщения и др.

Как отмечает М. К. Сабанеева, «семантика долженствования включает понимание долга как принуждения в силу социальных, юридических, этических и эстетических норм...; понимание долга как ситуативной вынужденности совершения того или иного действия; понимание долга как внутреннего побуждения, основанного на

органической ассимиляции лицом социальных, этических и эстетических норм, либо на индивидуальной психической или физической потребности» [Сабанеева 2005: 253]. Иными словами, использование адресантом лексических единиц с семантикой долженствования является способом указания на необходимость определенных действий (которые предполагают и когнитивные операции). Однако в религиозной коммуникации человек мыслится как существо свободное, т. е. не обремененное рамками какого-либо закона, этическими или эстетическими нормами. Исполнение заповедей предполагает реализацию свободной воли человека, его осознанный выбор. Поэтому проповедник, обращаясь таким образом к слушателям / читателям, использует преимущественно местоимение *мы* либо слово *человек*, подчеркивая тем самым не только обобщенность субъекта своего обращения, но и обобщенную, философскую направленность своей интенции, как бы подчеркивая: так следует поступать всем, кто стремится «организовать» свою жизнь согласно христианской морали:

Мы должны стремиться пробивать стену нашей души, души окаменевшей, вялой, наполовину уснувшей.

Итак, лексические единицы с обобщенной семантикой ‘долженствование’ / ‘воздействие’ и ‘чувства’ / ‘душа’ служат для воплощения в текстах проповеди дидактической тональности – позитивного воздействия на душу адресата (если следовать за В. А. Сухомлинским в понимании сути воспитания, или, иначе, дидактики). Вместе с тем важно подчеркнуть, что сами по себе такие единицы не способны реализовать дидактическое волеизъявление говорящего: целеполагание научения способно в полной мере реализоваться только в контексте, т. е. имеет **синтаксическое** или **текстовое решение**.

Средства реализации дидактической тональности на синтаксическом уровне

Синтаксические средства, как показал исследованный нами материал, играют ключевую роль в реализации дидактической тональности. При этом обращает на себя внимание функционирование внутри синтаксиса лексических единиц с различной семантикой, выражающей наставление, научение, призыв. При анализе средств синтаксического уровня в проанализированных текстах выявлено так же, как и в случае с лексическими единицами, две семантические подгруппы: 1) конструкции с семантикой ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию’; 2) конструкции с семантикой ‘долженствование’. Рассмотрим эти семантические подгруппы.

1. **Конструкции с семантикой ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию’.** Из приведенных выше примеров видно, что семантика ‘размышление’ / ‘призыв к совместному действию’ воплощается чаще всего в односоставных, сложноподчиненных, бессоюзных синтаксических конструкциях, в том числе в предложениях побудительных по цели высказывания. См.:

Подумайте, вспомните о том, какими добрыми, самоотверженными, честными бывали люди в тяжелых жизненных обстоятельствах, а вот в покое и благополучии человек часто падает, сбивается с пути; Постараемся собраться с духом и принести Господу молитву на сей раз друг за друга...;

2. **Семантика долженствования.** Данная подгруппа реализуется прежде всего посредством **безличных синтаксических конструкций**, содержащих в своем составе модальные слова с соответствующей семантикой – *надо, должно, нужно, необходимо, следует*. При этом в качестве сопутствующего инфинитива, как указывалось ранее, употребляются чаще всего глаголы с семантикой мысли, волеизъявления, чувствования, переживания и под.: *надо бороться, должны помнить, следует верить, необходимо понимать* и т. д.

С помощью безличных конструкций с семантикой долженствования проповедник стремится указать адресату дороги истины, способы борьбы со своим духовным несовершенством и, как следствие, путь приближения к Богу (борьба с грехами, исполнение заповедей, определение духовных границ, указание на правильные с точки зрения христианской морали пути жизни, алгоритм действий в той или иной жизненной ситуации и др.). Ср. (см. выделенные средства):

Надо стремиться, стараться, прилагать усилия, каждый день и каждый час бороться с собой, со своими грехами, падать, вставать, снова падать, снова вставать, достигать чего-то, но помнить, что завтра мы можем это потерять, и вновь надо будет бороться, не ослабевая, но помнить: по справедливости мы все равно недостойны, а принимает нас Господь по Своему милосердию и др.

В целом во всех синтаксических конструкциях первой подгруппы явно прослеживается дидактическая интенция автора, направленная на побуждение адресата к анализу его жизненных установок и реализации этих установок в соответствии с нормами христианской морали (см. выделенные единицы в составе предложений).

Частотное использование **побудительных конструкций** позволяет автору речи акцентировать внимание слушателей на самом указании определенных действий по пути к духовному совершенствованию. Данные средства выражения дидактической тональности тоже являются частотными в проповедях Александра Меня – всего их выявлено 65 единиц.

Приведем примеры побудительных предложений из проповедей А. Меня:

*Когда же мы говорим: «Не спасусь, не годен, не годна, нет надежды», – **вспомните**, что есть Тот, Кто нас ждет, ждет всегда, потому что мы Его дети; **Представьте себе** теперь нашего Господа, Которому должны были подчиняться все стихии и миры, что Он идет как обыкновенный путник и испытывает вместе с нами тяготы жизни – зной, жажду, усталость и под. (см. также примеры, приведенные выше).*

Примечательно, что в текстах проповедей побудительные предложения не отражают волеизъявления говорящего («традиционная» функция категории побудительности), поскольку он обращается к пастве не от *своего* имени и просит выполнять что-либо не для достижения *своих* целей.

Интересно функционируют в религиозном тексте **сложноподчиненные предложения со значением условия**. В проанализированных нами текстах такие конструкции в целом выражают традиционную для них семантику, указывая на условия, при исполнении которых достижимо духовное совершенствование. И все-таки у них здесь имеется специфический семантический оттенок – они во всех без исключения случаях употребляются в контекстах, когда коммуникативной целью проповедника является желание указать адресату пути, «способы» борьбы с греховными страстями, дорогу к Спасению, т. е. к Богу. См.:

*Так же и мы, **если преодолеем свою косность**, Он увидит нашу веру... И все препятствия, в конце концов, мы устраним; **Если мы не будем заставлять, принуждать себя** к молчанию, **если мы останемся подвластными** житейскому шуму, бесконечному бегу, **то** у нас вся жизнь пройдет на поверхности, без глубины, без духовности, без настоящей встречи с Господом; **Если не насыщать** нашей души на пути жизни земной, – безмерно тяжек будет ее голод в вечности и под.*

Следует отметить, что употребление данных конструкций в текстах проповедей А. Меня является очень частотным – до 4 употреблений в тексте одной проповеди (всего 71 случай употребления). Вместе с тем выражение в текстах проповеди логико-смысловых операций условности и побудительности количественно все-таки уступает конструкциям с семантикой долженствования (71, 65 и 81 соответственно).

Средства реализации дидактической тональности на текстовом уровне

Среди средств реализации дидактической тональности текстового уровня в проповедях Александра Меня отмечено частое использование конструкций с чужой речью, оформленных в виде структур прямой или несобственно-прямой речи. Это, как правило, слова, произносимые от лица Христа либо Церкви, не являющиеся цитацией Евангелия или других сакральных книг (19 случаев употребления). Иначе говоря, в данном случае прослеживается целенаправленное конструирование проповедником живого диалога между Богом и слушателями: проповедник как бы устами Бога ведет диалог с паствой, старается побудить своих слушателей / читателей к активным действиям, к началу изменения своего внутреннего мира и своей жизни, ср.:

*Да, Мои чада, – **говорит Господь**, – вы действительно ушли от Меня, вы действительно не шли по Моему пути, вы и все поколения не оказались достойными Моей любви. Но Моя любовь, любовь Божия, покрывает и поглощает ваши грехи.*

Слова, произносимые как бы от лица Господа, тоже средство реализации дидактической тональности, поскольку призваны разъяснить суть отношений между Богом и людьми, когда Бог обращается к людям как к своим непослушным детям. Проповедник акцентирует внимание на том, что Бог всегда готов помогать людям, оберегать их, но при этом и они не должны забывать о Нем, как детям нельзя забывать о своих родителях. Таким образом, в проповедях Александра Меня использование данного средства есть является способом воплощения дидактической направленности (= тональности) речи.

Как дидактически маркированное текстовое средство выступают в религиозном тексте фрагменты, повествующие о событиях из пастырской жизни или личного опыта проповедника в его общении с паствой. Использование данных иллюстраций является наименее употребительным средством реализации дидактической тональности – всего нами выявлено 9 случаев. Например:

Я помню, однажды беседовал с одним пожилым человеком, жизнь которого была серой, тусклой, лишенной всего духовного. И он рассказал мне, что однажды в юности, когда он шел по улице города, его как бы изнутри ослепил необыкновенный свет, и он увидел весь мир вокруг, озаренный Божиим присутствием... Это был призыв Божий и посещение Господне, а потом он сказал, что все это было оставлено, забыто. Прошли годы. Суета, заботы захватили его, и он никогда больше не обратился к Тому, Кто его позвал.

В иллюстрациях из пастырской жизни проповедник описывает различные истории, связанные с духовной жизнью реальных людей, как правило, современников представителей паствы. В данных примерах имплицитно представлен призыв проповедника к представителям паствы сравнить себя, свою жизнь с героями описываемых жизненных ситуаций.

Завершая структурно-семантический анализ способов выражения дидактической тональности в религиозной проповеди, приведем таблицу, обобщенно представляющую выявленные нами средства:

Средства реализации дидактической тональности в проповедях Александра Меня
Means of Implementing Didactic Tonality in Sermons of Alexander Men

Средства	Кол-во единиц	Процент от 30 000 – общего количества словоупотреблений в проанализированных текстах	Примеры
Лексические средства воплощения дидактической тональности			
Лексемы с семантикой размышления	76	0,25 %	...как мало времени мы уделяем размышлению о вечном
Лексемы с семантикой долженствования	81	0,27 %	И каждый пост мы должны встречать так, как будто он последний в нашей жизни; Нужно стремиться, стараться, прилагать усилия
Синтаксические средства воплощения дидактической тональности			
Конструкции с семантикой размышления	76	0,25 %	Давайте подумаем , как нам душу свою открыть Господу
Конструкции с семантикой долженствования	81	0,27 %	Об этом мы должны молиться , к этому должны стремиться , чтобы, еще не вкусив телесной смерти, узнать, то такое действие Духа Божия и благодати Его
Побудительные предложения	65	0,22 %	Посмотрите , как мы живем сегодня: в каком озлоблении, в каком изнеможении, в какой бесконечной спешке...
СПП с семантикой условия	71	0,24 %	И если Он нам протянет руку, то не будем мы Ему неблагодарны
Текстовые средства воплощения дидактической тональности			
Диалогические конструкции, напоминающие прямую речь в виде слов, произносимых от лица Христа либо Церкви, не являющихся цитацией Евангелия или других сакральных книг	19	0,06 %	...Его любовь протягивает руку и говорит: «Встань, спящий, пробудись, пробудись! Я, Господь, к тебе пришел. Я умер, хотя бессмертен, Я все испытал твое, кроме греха, чтобы быть с тобой рядом и тебя очистить и оживотворить. Вот перед твоими глазами Мой Крест, на котором Я принимаю твои страдания и твои грехи, чтобы ты очистился Моею благодатью».
Примеры из пастырской жизни	9	0,03 %	Я спросил как-то одну женщину: «Ты верующая? Православная?». «Да, - она говорит, - я хожу поминать своих покойников». Так разве в этом наша вера?
Всего	478 единиц реализации дидактической тональности на 30 000 словоупотреблений		

Как видно из таблицы, в проанализированных проповедях Александра Меня наиболее частотным средством выражения дидактической тональности являются синтаксические конструкции с семантикой долженствования (17 % всех выявленных средств) и сложноподчиненные предложения со значением условия (14,8 %). Полагаем, что употребительность первых средств объясняется тем, что конструкции с составным глагольным сказуемым, включающим модальные слова со значением долженствования или необходимости, выражают модальность призыва или поучения, что, в свою очередь, составляет одну из интенций проповедника при апелляции к сознанию реципиентов. Как отмечает Т. В. Ицкович, жанр проповеди характеризуется прямо выраженными идеями долженствования, указаниями, как надо себя вести слушателям, чтобы достичь Царства Божия, спастись [Ицкович 2012: 81].

Акцент проповедника на том, как надо думать, поступать или интерпретировать ту или иную жизненную ситуацию, несомненно, создает ядро дидактической тональности текста проповеди. В свою очередь, сложноподчиненные предложения со значением условия выражают детерминированность тех или иных событий духовной жизни человека, из которой реципиент может сделать вывод о том, как следует (или наоборот, не следует) «организовывать» свою жизнь, чтобы жить в любви к Богу и людям и достичь главной цели жизни христианина.

Также в проповедях А. Меня значимое место занимает такое средство выражения дидактической тональности, как призыв (13,6 % от общего числа словоупотреблений), который непосредственно указывает реципиенту на необходимость выполнения какого-либо действия (иногда в метафизическом плане).

Выводы

Проведенное исследование позволило установить, что в жанре религиозной проповеди интенциональность реализуется посредством специфических языковых и речевых единиц. Выявленные единицы выполняют в рамках религиозного текста единую функцию, а именно служат для выражения основной коммуникативной установки автора речи – приблизить человека к вере и Богу, научить его вере в Бога.

Проведенный нами анализ показал, что религиозная проповедь – это, по сути, глубоко «воспитательный» по своей цели текст. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в проповедях А. Меня гармонично сочетаются различные средства дидактической тональности, в частности, конкретные указания адресатам на то,

каким образом следует «достигать успехов» в духовной жизни и в деле спасения. Трансляцию различных необходимых бытийных и поведенческих установок автор реализует с помощью разных языковых и речевых единиц и конструкций, семантически заостренных в эмоциональную сферу предполагаемого адресата, что, безусловно, способствует более продуктивному воздействию на его сознание и, как следствие, способствует реализации ключевых интенций проповедника.

В этом смысле проповедник выступает как истинный Учитель, ведущий за собой «детей малых», всех, кто ищет пути духовности и самосовершенствования. В унисон этому звучат слова В. А. Сухомлинского о цели воспитания: «Духовная несгибаемость – вот что представляется мне главным среди воспитания человеческих качеств, которые надо лепить, ваять уже в маленьком человеке» [Сухомлинский 1979: 234].

Список литературы

- Архиепископ Аверкий (Таушев)*. Руководство по гомилетике. М.: Изд-во Свято-Тихонов. Богосл. ин-та, 2001. 143 с.
- Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко)*. Гомилетика. Теория церковной проповеди: учеб. пособие. М., 2007. 336 с.
- Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
- Василий Александрович Сухомлинский и его педагогическое наследие*. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2019. 321 с.
- Васильев С. А.* Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев, 1988. 238 с.
- Войтак М.* Модернизация жанровых конвенций в современном молитвиннике // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котуровой; Перм. ун-т. Пермь, 2007. Вып. 11. С. 266–279.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.
- Городецкий Б. Ю.* Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24. С. 5–31.
- Данилевская Н. В.* Textoобразующая функция категории тональности в публицистическом стиле // Стилистика сегодня и завтра: Медиа-текст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: тезисы Междунар. научная конференция. М.: Фак-т журналистики МГУ, 2010. С. 48–54.
- Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984. 272 с.

Звездин Д. А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка: на примере текстов второй половины XX века.: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 201 с.

Ицкович Т. В. Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.

Ицкович Т. В. Православная проповедь как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 24 с.

Ицкович Т. В. Прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 6–16.

Ицкович Т. В. Система жанров религиозного стиля в коммуникативно-прагматическом аспекте // Studia rossica posnaniensia. 2019. Vol. XLIV/2. P. 231–242.

Ицкович Т. В. Тональность православной проповеди // Современная лингвистика и межкультурная коммуникация. Красноярск: НИЦ, 2012. С. 69–97.

Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990. 151 с.

Карагодская Ю. С. Взаимодействие религиозно-церковного стиля со смежными сферами: онтология и экспрессология: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2019. 174 с.

Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 57 с.

Кожина М. Н. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте (применительно к научной сфере общения) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной: в 3 т. Т. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. С. 3–15.

Колишанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. 175 с.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6(12). С. 24–29.

Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983. 215 с.

Новоселов М. А. Догмат и мистика в православии, католичестве и протестантстве. М.: Лепта-Пресс, 2004. 384 с.

Салахова А. Г. Функционально-прагматическая характеристика современной религиозной проповеди // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. С. 527–532.

Салимовский В. А., Сулова К. С. Экспликация догмата как жанра догматической проповеди // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. С. 280–292.

Сухомлинский В. А. О воспитании / сост. и авт. вступ. очерков С. Соловейчик. 3-е изд. М.: Политиздат, 1979. 270 с.

Сухомлинский В. А. О воспитании. 2019. URL: <https://nsportal.ru/blog/uvlecheniya/all/2017/01/08/suhomlinskiy-v-a-o-vozpitanii>. (дата обращения: 12.02.2021).

Философская энциклопедия. URL: https://dic-academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/452/ (дата обращения: 25.02.2021).

Шахарман А. П. Концептуальные основы религиозного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2015. 22 с.

Щукина И. Н. Рациональность эмоционального в религиозных программах российского телевидения (на материале проповедей митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла) // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 85–92.

Щукина И. Н. Интенциональность в религиозном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2012. Вып. 16. С. 138–147.

Karpluk M., Sambor, J. (red.). O języku religijnym. Zagadnienia wybrane. Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1988. 170 s.

Kloczowski J. Język, którym mówi człowiek religijny, "Znak", 1995. № 12. S. 5–17.

Kucharska-Dreiss E. Teolingwistyka – próba popularyzacji terminu // Język religijny dawniej i dziś / red. S. Mikołajczak, T. Węclawski, Poznań, 2004. S. 23–30.

Rożek L. Język religii. Konstrukcje i dekonstrukcje. Wstęp, Częstochowa, 2006. S. 7–15.

Wojtak M. Styl religijny w perspektywie genealogicznej // Język religijny dawniej i dziś / red. S. Mikołajczak, T. Węclawski, Poznań, 2004. S. 104–113.

References

Archbishop Averkiy (Taushev). *Rukovodstvo po gomiletike* [Guide to homiletics]. Moscow, Saint Tikhon's Theological Institute Press, 2001. 143 p. (In Russ.)

Bishop Polotskiy and Glubokskiy Feodosiy, (Bil'chenko). *Gomiletika. Teoriya tserkovnoy pro-*

povedi: uchebnoe posobie [Homiletics. The theory of church preaching: textbook]. Moscow, 2007. 336 p. (In Russ.)

Bolotnova N. S. *Filologicheskiy analiz teksta* [Philological analysis of text]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009. 520 p. (In Russ.)

Vasilii Aleksandrovich Sukhomlinskiy i ego pedagogicheskoe nasledie [Vasily Aleksandrovich Sukhomlinsky and his pedagogical heritage]. Rostov-on-Don, Science and Education Foundation Publ., 2019. 321 p. (In Russ.)

Vasil'ev S. A. *Sintez smysla pri sozdanii i ponimanii teksta* [Synthesis of meaning when creating and understanding a text]. Kiev, 1988. 238 p. (In Russ.)

Voytak M. *Modernizatsiya zhanrovyykh konventsiy v sovremennom molitvennike* [Modernization of genre conventions in a modern prayer book]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. trudov* [Stereotype and creativity in text: interuniversity collection of scientific papers]. Ed. by M. P. Kotyurova. Perm, Perm State University Press, 2007, issue 11, pp. 266–279. (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, 1981. 139 p. (In Russ.)

Gorodetskiy B. Yu. *Komp'yuternaya lingvistika: modelirovanie yazykovogo obshcheniya* [Computational linguistics: modeling language communication]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1989, issue 24, pp. 5–31. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. *Tekstoobrazuyushchaya funktsiya kategorii tonal'nosti v publitsisticheskom stile* [Text-forming function of the sentiment category in the journalistic style]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya 'Stilistika segodnya i zavtra: Mediatekst v pragmaticheskom, ritoricheskom i lingvokul'turologicheskom aspektakh': tezisy* [International scientific conference 'Stylistics today and tomorrow: Media text in pragmatic, rhetorical and linguocultural aspects': proceedings]. Moscow, Faculty of Journalism of the Moscow State University Press, 2010, pp. 48–54. (In Russ.)

Dridze T. M. *Tekstovaya deyatelnost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii* [Textual activity in the structure of social communication]. Moscow, 1984. 272 p. (In Russ.)

Zvezdin D. A. *Pravoslavnaya propoved' kak zhanr tserkovno-religioznogo stilya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: na primere tekstov vtoroy poloviny XX veka*. Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk [The Orthodox sermon as a genre of the church-religious style of the modern Russian literary language: based on texts of the second half of the 20th century. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2012. 201 p. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Zhanrovaya sistematizatsiya religioznogo stilya na kommunikativno-pragmaticheskom i kategorial'no-tekstovom osnovaniyakh*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Genre systematization of the religious style on communicative-pragmatic and categorical-textual grounds. Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2016. 387 p. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Pravoslavnaya propoved' kak tip teksta*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [The Orthodox sermon as a type of text. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 24 p. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Prototekstual'nost' kak konstruktivnyy printsip religioznogo stilya* [Proto-textuality as the constructive principle of religious style]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, issue 1, pp. 6–16. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Sistema zhanrov religioznogo stilya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte* [System of genres of religious style in a communicative and pragmatic aspect]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 2019, vol. 44(2), pp. 231–242. (In Russ.)

Itskovich T. V. *Tonal'nost' pravoslavnoy propovedi* [The sentiment of the Orthodox sermon]. *Sovremennaya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Modern linguistics and intercultural communication]. Krasnoyarsk, Publishing House Science and Innovation Center, 2012, pp. 69–97. (In Russ.)

Kamenskaya O. L. *Tekst i kommunikatsiya* [Text and communication]. Moscow, 1990. 151 p. (In Russ.)

Karagodskaya Yu. S. *Vzaimodeystvie religiozno-tserkovnogo stilya so smezhnymi sferami: ontologiya i ekspressologiya*. Diss. kand. filol. nauk [Interaction of the religious-church style with related fields: Ontology and expressology. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2019. 174 p. (In Russ.)

Klushina N. I. *Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000–2008 gg.)*. Avtoref. ... diss. d-ra filol. nauk [Intentional categories of journalistic text (based on the material of periodicals 2000–2008). Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 57 p. (In Russ.)

Kozhina M. N. *Obshchaya kharakteristika tekstovykh kategoriy v funktsional'no-stilevom aspekte (primenitel'no k nauchnoy sfere obshcheniya)* [General characteristics of text categories in the functional and stylistic aspect (in relation to the scientific field of communication)]. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv.: v 3 t.* [Essays on history of scientific style of the Russian literary language of the 18th–20th centuries. In 3 vols.]. Ed. by M. N. Kozhina. Perm, Perm State University Press, 1998, vol. 2. *Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry)* [Stylistics of scientific text (general parameters)], pt. 2. *Kategorii nauch-*

nogo teksta: funktsional'no-stilisticheskiy aspect [Categories of scientific text: Functional and stylistic aspect], pp. 3–15. (In Russ.)

Kolshanskiy G. V. *Kommunikativnaya funktsiya I struktura yazyka* [Communicative function and the structure of language]. Moscow, 1984. 175 p. (In Russ.)

Matveeva T. V. *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy: Sinkhronno-sopostavitel'nyy ocherk* [Functional styles in the aspect of text categories: Synchronous comparative essay]. Sverdlovsk, Ural University Press, 1990. 172 p. (In Russ.)

Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. Dialogichnost' tserkovno-religioznykh tekstov [Dialogicity of religious texts]. *Vestnik Permskogo universiteta: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, vol. 6(12), pp. 24–29. (In Russ.)

Novikov A. I. *Semantika teksta i ee formalizatsiya* [Semantics of text and its formalization]. Moscow, 1983. 215 p. (In Russ.)

Novoselov M. A. *Dogmat i mistika v pravoslavii, katolichestve i protestantstve* [Dogma and mysticism in Orthodoxy, Catholicism and Protestantism]. Moscow, Lepta-Press, 2004. 384 p. (In Russ.)

Salakhova A. G. Funktsional'no-pragmaticheskaya kharakteristika sovremennoy religioznoy propovedi [Functional and pragmatic characteristics of modern religious preaching]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh* [Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects]. Chelyabinsk, REKPOL Publ., 2008, pp. 527–532. (In Russ.)

Salimovskiy V. A., Suslova K. S. Eksplikatsiya dogmata kak zhanra dogmaticheskoy propovedi [Explication of dogma as a genre of dogmatic preaching]. *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov, Kolledzh Publ., 2005, vol. 4, pp. 280–292. (In Russ.)

Sukhomlinskiy V. A. *O vospitanii* [On education]. Comp. and introd. by S. Soloveychic. 3rd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 270 p. (In Russ.)

Sukhomlinsky V. A. *O vospitanii* [On education]. Available at: <https://nsportal.ru/blog/uvlecheniya/all/2017/01/08/sukhomlinskiy-v-a-o-vospitanii> (accessed 12.02.2021). (In Russ.)

Filosofskaya entsiklopediya [Philosophical Encyclopedia]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/452/ (accessed 25.02.2021).

Shakharman A. P. *Kontseptual'nye osnovy religioznogo diskursa*. Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk [Conceptual foundations of religious discourse. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Bishkek, 2015. 22 p. (In Russ.)

Shchukina I. N. Ratsional'nost' emotsional'nogo v religioznykh programmakh rossiyskogo televideniya (na materiale propovedey mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla) [Rationality of the emotional in religious programs of Russian television (based on the sermons of Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad)]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and Creativity of the Text]. Perm, 2010, issue 14, pp. 85–92. (In Russ.)

Shchukina I. N. Intentsional'nost' v religioznom diskurse [Intentionality in religious discourse]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and Creativity of the Text]. Perm, 2012, issue 16, pp. 138–147. (In Russ.)

Karpluk M., Sambor J. (eds.). *O języku religijnym* [On religious language]. *Zagadnienia wybrane* [Selected issues]. Lublin, Editorial Office of the KUL Publishing House, 1988. 170 p. (In Pol.)

Kloczowski J. *Jezyk, ktorym mowi czlowiek religijny* [The language spoken by a religious man]. *Znak*, 1995, issue 12, pp. 5–17. (In Pol.)

Kucharska-Dreiss E. Teolingwistyka – próba popularyzacji terminu [Theolinguistics: an attempt to popularize the term]. *Jezyk religijny dawniej i dzis* [Religious language in the past and today]. Ed. by S. Mikołajczak, T. Węclawski, Poznań, 2004, pp. 23–30. (In Pol.)

Rożek L. *Jezyk religii. Konstrukcje i dekonstrukcje* [The language of religion. Constructions and deconstructions]. Wstęp, Częstochowa, 2006, pp. 7–15. (In Pol.)

Wojtak M. Styl religijny w perspektywie genealogicznej [Religious style in the genealogical perspective]. *Jezyk religijny dawniej i dzis* [Religious language in the past and today]. Ed. by S. Mikołajczak, T. Węclawski. Poznań, 2004, pp. 104–113. (In Pol.)

MEANS OF IMPLEMENTING DIDACTIC TONE IN RELIGIOUS TEXT (on the Material of Orthodox Sermons)

Elena I. German

Postgraduate Student in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. elena.hazanzhi@mail.ru

SPIN-code: 4850-8784

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0687-4599>

Submitted 18.01.2021

The paper studies how didactic tonality is linguistically expressed in texts of sermons. Didactic tonality is viewed as a category of intentionality – a more general textual category inherent in any type of communication if the latter is viewed as an activity. The material for the study included 68 texts of sermons of the famous in Russia archpriest of the Russian Orthodox Church, theologian, author of books on theology, history of Christianity and other religions, Alexander Men. The activity approach, as well as the functional-stylistic, structural-semantic, cognitive, contextual, comparative-quantitative and pragmatic methods of analysis allowed us to establish that in the sermon as a genre, intentionality is realized through a specific tonality, or such a textual modality that reflects the main intention of the author of speech in religious preaching – to bring a person closer to faith and God, to teach them faith in God. The intention of ‘teaching’ is defined in the study as didactic tonality and is considered as an auxiliary category of intentionality functioning in texts of religious sermons. The paper reveals linguistic and speech means representing didactic tonality in texts, describes the structural-semantic, pragmatic and stylistic features of these means. Didactic tonality was found to be the key textual category in terms of implementation of the main author’s intention (conceptual idea and meaning) in a sermon.

The research findings demonstrate that in the sermons of Alexander Men, various means belonging to different linguistic levels are harmoniously combined: lexical units and syntaxemes that express the semantics of reflection, obligation, call for joint action, as well as textual means that include examples from pastoral life and dialogical constructions in the form of direct speech.

Key words: intentionality; sermon; preaching; textual category; influencing function; didactic tone; didactic tonality.